

Илья Ломакин

Lauren Stokes. Fear of the Family: Guest Workers and Family Migration in the Federal Republic of Germany. New York: Oxford University Press, 2022. 292 pp. ISBN 9780197558416.

Илья Ломакин, Лаборатория сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Всероссийский центр изучения общественного мнения, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия. elijah.lomakin@gmail.com.

Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00377 «Семья в движении: теоретические и эмпирические проблемы в контексте трудовой миграции в России».

В начале 2022 года в издательстве Оксфордского университета вышла дебютная монография «Страх семьи: иностранные рабочие и семейная миграция в Федеративной Республике Германия» американского историка Лорен Стоукс. Биография автора достаточно «линейна»: получив в Суортмор-колледже в 2009 году бакалаврскую степень в области истории и германистики, она поступила в историческую магистратуру Университета Чикаго, которую окончила двумя годами позже. Далее там же, в Чикаго, Стоукс училась в аспирантуре и работала над своим диссертационным исследованием. Последнее (Stokes 2016) и стало основой для обсуждаемой в этой рецензии книги. В автобиографии на официальном сайте Северо-Западного университета, где Стоукс сейчас работает в должности доцента, она пишет, что преподает с позиций «откровенно презентистского подхода к прошлому»¹. С похожей посылкой она подошла и к написанию своей первой монографии.

Важно сразу же отметить, что в обсуждаемой работе Стоукс не стремится сравнить Западную и Восточную Германии между собой: Германская Демократическая Республика (ГДР) возникает периодически в повествовании, однако все-таки ее миграционный режим в рассмотрение не принимается. Это можно считать одним из ключевых ограничений исследования, которое автор, обозначив политико-географические границы лишь в заглавии, специально никак не комментирует. Невольно складывается впечатление, что объединенная Германия, о которой Стоукс тоже пишет в своей книге, видится автору как состоящая в первую очередь из Федеративной Республики Германия (ФРГ) и только затем – постсоциалистической ГДР. Так, в списке используемых в книге сокращений (с. xi–xii) для последней даже не нашлось места.

В самой работе отсутствуют четко сформулированные цель и задачи исследования – их мы можем лишь реконструировать. Можно сказать, что моногра-

¹ Lauren Stokes, Department of History, Northwestern University, <https://history.northwestern.edu/people/faculty/core-faculty/lauren-stokes.html>.

фия посвящена тому, как категория «член семьи» начиная с середины 1950-х годов и по сей день функционировала в миграционном режиме Западной (и затем – объединенной) Германии. Однако, на мой взгляд, более правильно было бы говорить о том, что «Страх семьи» повествует о специфической политической культуре в послевоенной Западной Германии, которая «превратила страх перед семьями [трудовых мигрантов] в основу государственной политики» (с. 2). При этом упомянутая политическая культура не отличалась централизацией и формировалась разнообразным набором акторов, преследующих столь же разнообразные интересы.

Тематика, за которую берется Стоукс, в целом кажется достаточно хорошо разработанной, однако, читая книгу, понимаешь, насколько обширная и глубокая работа была проделана. На основе множества элементов – предшествующих исследований, юридических документов, архивных и статистических данных, публицистики и визуального материала, продуктов (массовой) культуры – автор составляет роскошную мозаику, полную важных и попросту занимательных деталей. Глубокое знакомство с германо- и англоязычными источниками дополняется россыпью испано-, португало-, итальяно- и турецкоязычных материалов. Ко всему этому корпусу данных автор прилагает разные «линзы» – исследовательскую оптику, позволяющую фокусироваться на тех или иных аспектах (политэкономических, расовых, гендерных, связанных с сексуальной ориентацией и т. д.). Из последних, в свою очередь, вырастают главы книги – семь линейно выстроенных и связанных общей драматургией сюжетов. В целом можно сказать, что монография продвигает четыре взаимосвязанных тезиса относительно семейной миграции. Далее мы остановимся на каждом из них подробнее.

Во-первых, Стоукс утверждает, что государство использовало категорию «член семьи» для навязывания своих собственных представлений о надлежащем гендерном разделении труда. Рассматривая трудовую миграцию в ФРГ в 1955–1973 годах (см. главу 1), она показывает, что в первые годы иммиграция вместе с семьей поощрялась: западногерманские власти рассчитывали, что таким образом они воспрепятствуют смешанным бракам между иностранными рабочими и гражданами Германии, а также смогут получить доступ к женским трудовым ресурсам. Примечательно, что трудовая миграция в ФРГ сильно отличается от того, что история знала прежде: и западноевропейские страны, и США в рамках своих программ для иностранных рабочих ранее нанимали только мужчин (см., например: Nahamovitch 2011; Suárez Findlay 2014; Minian 2018). Таким особенностям политики способствовало позиционирование послевоенной западногерманской семьи как «традиционной», обладающей собственными, пережившими Третий Рейх ценностями. Представляя роль немок как матерей и «хранительниц домашнего очага», государственная социальная и образовательная политика ФРГ создала немало структурных ограничений, усложнивших жизнь желающих работать полный день замужних женщин.

Высокий спрос на дешевый труд мигранток способствовал росту числа иностранных семей с детьми, за которыми необходимо было ухаживать. Для этого трудовые мигранты перевозили в страну других членов их расширенной семьи. В

результате уже в 1960-х годах Министерство внутренних дел ФРГ сильно корректирует инструкции, ограничивая прием ряда категорий граждан, а также усложняя процедуру получения вида на жительство. Желая воспользоваться иностранным женским трудом, западногерманские власти не учли, что со временем иностранные семьи начнут настаивать на своем праве исполнять семейные роли, отстаивать права на социальные услуги (например, детские сады, школьное образование) и т. д. Проблема второго поколения, возникшая в начале 1970-х годов, заставила чиновников осознать, что воспроизводство рабочей силы больше не может передаваться на аутсорсинг, так как оно уже «происходило на немецкой земле и требовало поддержки» (с. 46).

Во-вторых, Стоукс рассматривает семью в качестве одной из ключевых точек производства идей о расовых различиях. Регулируя семейную миграцию, западные немцы мыслили сохранившимися после национал-социализма расовыми категориями, избегая при этом употребления термина «раса». Последнее, как полагает Стоукс, опираясь на известную работу Риты Чин и ее коллег (Chin et al. 2009), проистекает из «нежелания признать возможность существования расового мышления после нацизма» (с. 7). Например, западногерманские исследователи нередко писали о «ксенофобии» – понятии, которое не только не объясняло опыт ряда социальных групп, но и «натурализовало ложное допущение, что быть немцем значит быть белым» (с. 7). Другой пример – использование чиновниками разных понятий в рамках «воссоединения семей»: более эмоционально нагруженное и подчеркивающее гуманные цели *Familienzusammenführung* применялось к этническим немцам, а лишенное эмоциональной окраски *Familiennachzug* – в отношении всех остальных (см. главу 4).

Через описание того, как белые немцы оценивали поведение семей мигрантов разных национальных групп, в книге подробно рассматривается их расизация. Точкой отсчета («нормой») в этом процессе была, разумеется, немецкая семья. В то же время политики изображали иностранные семьи как патологически патриархальные и задавались вопросом, почему государство должно поощрять единство семьи, угнетающей своих самых слабых членов (см. главу 6). Отдельное внимание Стоукс уделяет отказу в общественном признании, с которым сталкивались негетеросексуальные люди, а также потомки мигрантов, считавшие себя немцами, никогда не жившие где-либо вне Германии, с родным немецким языком, но в глазах других граждан по-прежнему «выглядевшие как иностранцы». Кроме того, автор фиксирует изменения в отношении к разным национальным группам гостевых работников (лучше других исследованы здесь итальянцы, югославы и турки), чему, помимо прочего, способствовали обсуждаемые в 5-й главе дебаты вокруг возрастного ценза для детской миграции (ФРГ стала первым западноевропейским государством, в котором он был установлен ниже возраста совершеннолетия – 16 лет), а также фон Иранской революции 1979 года. Что касается последнего, принадлежность к исламу стала восприниматься как фактор, существенно затрудняющий интеграцию мигрантов в западногерманское общество. Так, ранее объединенные под общим ярлыком «южных» или «средиземноморских», испанские, итальянские, греческие и португальские семьи стали рассматриваться как более

податливые для интеграции, а турецкие и югославские вызывали повышенную настороженность.

В-третьих, красной нитью в монографии проходит тезис о значении, которое национал-социалистское «вчера» играло в выстраивании миграционного режима ФРГ. Несмотря на то, что новое государство всячески стремилось дистанцироваться от недавнего прошлого, исследователи просматривали исторические связи в принимавшихся спустя десять и более лет миграционных ограничениях (Jarausch 2006). Разнообразие рассматривалось как опасность и – в долгосрочной перспективе – источник больших проблем. Автор обнаружила в государственных архивах сотни расистских писем, брошюр и других текстов радикального правого толка, в которых, например, интеграция иностранцев отождествлялась с геноцидом немцев, а ограждавший ГДР «железный занавес» в связи с этим рассматривался как благо. Несмотря на наличие локальных особенностей, Стоук подчеркивает, что ограничительная политика Западной Германии не была каким-то отдельным специфическим явлением, приводя в пример постколониальные режимы в Соединенном Королевстве и Франции, значительно раньше столкнувшиеся с необходимостью жестко регулировать семейную миграцию.

Признававшая фашизм и биологический расизм неприемлемыми способами навязывания расовой и гендерной иерархий, ФРГ научилась у своих западноевропейских соседей навязывать эти иерархии через либерализм и идеологию «соответствия требованиям рынка» (market conforming). Стоук формулирует четвертый тезис: регулирование трудовой и семейной миграции способствовало развитию неолиберализма как тренда в управлении в западногерманском государстве. Еще Мишель Фуко в 1979 году отмечал, что «в экономике, в экономическом развитии современной Германии экономический рост порождает суверенитет» (Фуко 2010:110). Постоянная сверка буквально всех шагов с целями экономического развития и установка «экономическая политика – лучшая социальная политика» не могли не воздействовать на вопросы миграции. С одной стороны, иностранные рабочие рассматривались сквозь призму принципа субсидиарности, что позволяло государству снять с себя ответственность за социальное воспроизводство, переложив ее на отдельные группы населения. С другой – западногерманский миграционный режим характеризовался патернализмом, полагая мигрантов не способными к самостоятельному принятию правильных решений и выставляя свои суждения о них как нечто, что отвечает их интересам и благополучию. Все вышеописанное Стоук маркирует как «неолиберальный патернализм», примеры которого разбираются сразу в нескольких главах.

Так, рассматриваемая в 3-й главе реформа 1974 года, вводившая двухуровневую систему выплаты детских пособий, по которой родители детей, проживающих в Европейском экономическом сообществе (ЕЭС), получали заметно большую денежную сумму (чем если бы их дети жили в родных странах вне ЕЭС), снимала с государства обязательства по обеспечению семей необходимой инфраструктурой и одновременно создавала стереотип восприятия детской миграции как продиктованной чисто экономическим расчетом, а не стремлением родителей к близости

со своими чадами. В 5-й главе Стоукс разбирает уже упоминавшиеся дискуссии начала 1980-х годов вокруг установления возрастного ценза для детской миграции, в которых декларировалось желание «защитить» иностранных детей от влияния предрассудков их не интегрированных в немецкое общество родителей и последующей несчастливой жизни в Западной Германии.

В заключении Стоукс обращается к дискуссиям, имевшим место в Бундестаге в 2015–2018 годах в ходе (и в результате) так называемого миграционного кризиса. Она показывает, что репертуар аргументов, использованных законодателями начиная с лета 2015 года, имеет глубокие исторические корни и подразумевает «политическую культуру, в соответствии с которой воссоединение семьи является не правом человека, а правом, основанным на полезности и усилиях» (с. 225). Помимо высказываний представителей блока ХДС/ХСС, особое внимание автор также уделяет основанной в 2013 году ультраправой, популистской и евроскептической партии «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland, AfD), получившей электоральный успех в 2017 году. Так, если левые партии описывали отдельные семьи, делающие мучительно сложный выбор в отношении миграции и сопряженных с ней неудобств, то AfD последовательно показывала иностранные семьи как монолитную угрозу. Стоукс отмечает, что, несмотря на молодость AfD, «аргументы ее представителей были исторически глубоко укоренены в десятилетиях дискуссий о том, достойна ли иностранная семья инклюзии» (с. 225). В результате дебаты XXI века все еще отражают модели, сформировавшиеся в послевоенный период, апеллируют к ним, а так называемый миграционный кризис, грубо говоря, продолжается в Германии уже более полувека.

«Страх семьи» – это критический взгляд со стороны, позволяющий сохранять определенную долю объективности при анализе исторического материала (хотя, как уже говорилось выше, сама автор отвергает возможность выявления объективной исторической истины). Своей книгой Лорен Стоукс ставит серьезный диагноз миграционной политике в Германии: «Закостенелое и невосприимчивое в других отношениях, федеральное правительство ... никогда не упускало возможности изобрести новый способ переложить ответственность за собственные недочеты на иностранцев» (с. 219). В описанной ею истории немало свидетельств того, как федеральное правительство долго отказывалось принимать тот факт, что ФРГ стала «иммиграционной страной», и не желало замечать систематические негативные эффекты собственной политики. Представляется, что эта история должна оказаться интересной и поучительной для современной России. Что же касается будущего, то Стоукс, понимая вызванные подъемом правого популизма в Европе ограничения, все же возлагает надежды на изменение ситуации в Германии в сторону эмансипаторной миграционной политики и заключает, что «в справедливом обществе ... обязанностью семьи не должно быть доказательство того, что она соответствует установленным политиками стандартам» (с. 226).

Книга будет полезна всем, кто занимается вопросами миграции, социальной политики и мультикультурализма, а также историей послевоенной Германии и глобальной историей семьи в движении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Фуко, Мишель. 2010. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. СПб.: Наука.
- Chin, Rita, Heide Fehrenbach, Geoff Eley, and Atina Grossmann. 2009. *After the Nazi Racial State: Difference and Democracy in Germany and Europe*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Hahamovitch, Cindy. 2011. *No Man's Land: Jamaican Guestworkers in America and the Global History of Deportable Labor*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Jarausch, Konrad H. 2006. *After Hitler: Recivilizing Germans, 1945–1995*. New York: Oxford University Press.
- Minian, Ana Raquel. 2018. *Undocumented Lives: The Untold Story of Mexican Migration*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Stokes, Lauren. 2016. "‘Fear of the Family’: Migration and Integration in West Germany, 1955–2000." PhD Dissertation, Department of History, University of Chicago.
- Suárez Findlay, Eileen J. 2014. *We Are Left without a Father Here: Masculinity, Domesticity, and Migration in Postwar Puerto Rico*. Durham, NC: Duke University Press.